

спектакль студентов отделения театра музыкальной комедии Одесского театрального училища в постановке Матвея Ошеровского. Начинающих исполнителей, потом ставших ведущими мастерами нашего театра (среди них были Г. Жадушкина, В. Барда-Скляренко, В. Гольдат (Фролов), В. Валовой и др.), тогда одела тоже З.А. Ивницкая.

Сколько потом было разных спектаклей — от венских классических оперетт до экспериментальных современных и забавных детских музыкальных спектаклей. Навсегда остались в памяти костюмные импровизации Зои Александровны на темы русской народной одежды в "Русском секрете", где ее фантазия работала с особой раскованностью!

Одной из последних работ в Одессе у Ивницкой был спектакль "Бал в честь Короля" в память о Михаиле Водяном.

В Америке Зоя Александровна вспомнила о своей первой профессии, ведь она училась живописи у Д.М. Фруминой. Собственно, к живописи тянуло и в Одессе, но в США это стало основным занятием наряду с воспитанием юных художников.

Несколько работ, написанных в последние годы, из серий "Одесские сны" и "Клоуны", с импрессионистической ностальгией пейзажей и неизбывным интересом художницы к театральному действу, никого не оставляют равнодушными. Грустные клоуны очень отличаются от озорных собратьев, когда-то сочиненных Зоей Ивницкой для спектакля "Принцесса цирка". Помнится, мы выпросили эскизы к спектаклю у художницы прямо в мастерской театра, и уже много лет существует в отделе искусств "стеночка Зои Ивницкой", несущая посетителям библиотеки ауру добра и мастерства.

Столь долгое отсутствие... Святослав Рихтер возвращается в Одессу

Долго думали, с чего же начать эти заметки, но вот прочитали в "Новом мире" эссе Евгения Рейна, где он вспоминает своих учителей. Первое имя — Анна Ахматова. Второе — Аркадий Штейнберг — поэт, музыкант, литературовед, солдат, лагерник... О нем Рейн замечает, как бы вскользь: "Он родился в Одессе, но вскоре уехал оттуда (кстати, это же случилось с Ахматовой)..." Таких вот, званных и избранных, тех, кого отметил взмахом крыла *Genius loci* — Гений места Южной Пальмиры, немало в мировой истории. Одно перечисление их имен и заслуг заняло бы половину страниц нашего альманаха. Есть хрестоматийные гении (извините за тавтологию) — ссыльному петербуржцу Александру Пушкину хватило 13 месяцев, чтобы подарить Одессе грамоту на бессмертие и получить от благодарных горожан улицу и целых два памятника. Писатели Юго-Запада, хотя и родились здесь, у Черного моря, но сделали себе славное имя в Москве. Схожая судьба у музыкантов Давида Ойстраха и Эмиля Гилельса. Их творчество изучают студенты консерватории, их биографии (и реальные факты, и легенды, и апокрифы) передаются в семьях одесских любителей музыки из поколения в поколение.

Жизнь же Святослава Рихтера — одного из самых тонких и масштабных представителей интеллектуальной элиты XX века — мало известна землякам, особенно периоды одесских детства, отрочества, юности, да и молодости. А ведь именно здесь, в родительском доме, он сформировался не только как будущий великий инструменталист, но и как оригинальная, своеобразная личность, испытал первые сильные чувства — неразделенную любовь, смятение чувств, драму творческого одиночества... Подобно фантомам воспоминаний Евгения Рейна (кстати, бывавшего в Одессе в 60-е годы довольно часто) — Ахматовой и Штейнбергу — Рихтер, покинув Одессу, никогда в нее не возвращался. Более того, одно лишь упоминание о ней (по свидетельству близких) вызывало у него смятение и явное нежелание продолжать эту тему. Почему же так случилось?

Это сложная, запутанная, а главное, чрезвычайно деликатная тема, само прикосновение к которой требует и чувства ответственности, и особого такта. Тем более, что наши родственники причастны ко многим важным событиям в жизни семьи Рихтер — и в Одессе, и в Германии. Попы-

таемся же если не дать исчерпывающие ответы на многочисленные вопросы, то хотя бы поделиться некоторыми сведениями о том, как же протекала жизнь Святослава, его родителей и их близкого окружения в 20-40 годы минувшего века.

Он родился в 1915 году в Житомире (как и великий создатель космических кораблей Сергей Королев). Его родители, одни из тех, кому более, чем героям культового романа подходит крылатое "Унесенные ветром", принадлежали к тем социальным группам граждан России, кому просто не было места при тоталитарном режиме. Мать, Анна Павловна Москалева, дочь житомирского помещика, в самом нежном возрасте неожиданно вышла замуж за своего учителя музыки Теофила Даниловича Рихтера. Этот обрусевший немец тишайшего нрава был намного старше своей решительной и властной супруги, буквально подмявшей под себя и мужа, и сына Святослава-Светика. Ему удивительно шло это уменьшительное имя. От матери мальчик унаследовал копну рыжих волос и выразительные лучащиеся глаза, от отца — трепетное, молитвенное отношение к музыке. И — что особенно важно для понимания нюансов формирования пианистического, артистического, мировоззренческого аспектов личности Рихтера — он разделял отцовскую приверженность методике обучения музыке, не предусматривающей формального образования, опиравшейся на творческую свободу. Важно отметить и следующее: в те годы большинство ведущих одесских педагогов были адептами московской фортепианной школы, а Теофил Рихтер воспитывался на традициях венской, петербургской.

Но все это скажется в судьбе Светика гораздо позже... А пока он живет в Одессе, куда семья переехала в 1922 году. В кирхе по соседству служит кантором его отец, а еще он играет на органе в спектаклях оперного театра и дает уроки. Среди учениц Теофила Даниловича была и молодая пианистка, подававшая большие надежды, — Наталья Сергеевна Завалишина, происходившая из славного дворянского — декабристского рода. В замужестве за инженером Диомидом Петровичем Вербицким (потомком Фастовских гетманов) она родила сына Виктора. Намного моложе Светика, он, тем не менее, стал его приятелем. На воспоминания Виктора Диомидовича и Натальи Сергеевны Вербицких (брата и матери Татьяны — автора этих строк) мы и будем ссылаться в публикуемых заметках.

Рихтеры и Завалишины-Вербицкие буквально не расставались. Сегодня понятно, что тогда, в окаянные дни, обретение друзей, связанных не только увлеченностью музыкой, но и общей трагической судьбой (обе се-

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА СЕМЬИ ВЕРБИЦКИХ

Святослав Рихтер.
Все еще впереди: 1931 г.

Светик, Виктор Вербицкий
и Наталья Сергеевна. 30-е годы.

Любимая игра — шарады.

Дуэт: Светик и Наталья.

Застолье у Вербицких. Вторая слева — Анна Павловна, третий — Светик, четвертый — Виктор, пятая — Наталья Сергеевна, первый справа Теофил Данилович Рихтер.

"Принцесса Турандот"
по-одесски...

мы сильно пострадали в гражданскую войну и в годы военного коммунизма), неприятием реалий тогдашней жизни, было редкой удачей. Более того — спасением. Сегодня можно с определенной уверенностью предполагать, что Наталья — молодая, стройная, с яркой романтической внешностью, поразила воображение мальчика, подростка, юноши... Разумеется, его чувство было возвышенным и выражалось посредством музыки, но все же это было влечение...

Вспоминает Виктор Диомидович, с конца войны живущий в Мюнхене:

— *Светик и мама почти каждый день играли в четыре руки. И это было не рутинное музицирование, а каждый раз — яркое художественное событие. Особым успехом в наших семьях и у наших друзей пользовались концерты, к которым партнеры готовились особо. Они происходили либо у Рихтеров — в Лютеранском переулке, либо у нас — в доме на углу Греческой и Екатерининской. В то время мы, как и большинство "бывших", лишились благоустроенной дореволюционной квартиры — ее конфисковали швондеры и шариковы — и обитали в труппе, которую с большим трудом как-то приспособили для жилья. Удобства — во дворе, темень, сырость... В этих условиях жила большая семья со стариками и больными. Здесь перед самой войной родилась моя сестра Таня. Должен заметить, что Светик сильно ревновал к ней нашу маму — свою Прекрасную даму...*

И из воспоминаний Виктора и Натальи Сергеевны, дожившей до 1983 года, складывается картина если не пира во время чумы, то одесского варианта "Принцессы Турандот". Как и в послереволюционной Москве, в "жемчужине у моря", ставшей последним прибежищем чудом уцелевших и не сумевших покинуть Россию дворян, офицеров, научной и художественной интеллигенции, а то — и богемы, вопреки свинцовым ужасам "посадок" и угнетающего быта, правил бал Карнавал. Рихтеры, Вербицкие, их приятели наряжались в театральные костюмы, которые мастерили из подручных материалов и остатков "былого величия". Наталья Сергеевна была неотразима в облике загадочной сказочной красавицы. Светик называл ее Шамаханской царицей: она и впрямь сулила немалую опасность всем, кто попадал под ее власть (муж, дети) или ее коварное сумасбродное очарование. Спустя годы, во время войны, жизнь членов семьи Вербицких по ее прихоти не раз подвергалась смертельной опасности, но это уже другая история...

Рихтеры жили в замкнутом мире, в который не допускались посторонние. И отец, и сын, становившийся с годами не только искусным инструменталистом, но и незаурядным музыкантом-мыслителем, были одино-

ки — и в Оперном, где они работали (Светик — концертмейстером), и среди коллег-пианистов и педагогов... Скорее всего, молодой одессит, подававший большие надежды, так бы и остался гениальным самоучкой и его постигла бы судьба многих наших земляков, которых "приспала" во сне шумная, любвеобильная, прагматичная Одесса-мама, более других любившая самых энергичных, шустрых, оборотистых, коммуникабельных, оптимистических (при несомненных талантах!) своих сыновей и дочерей. Но, к счастью, на пути Светика встретился Учитель. Как считает президент Национального фонда имени Нейгауза, профессор Львовской музыкальной академии Мария Тарасовна Крушельницкая, Генрих Густавович с первой же встречи с Рихтером стал относиться к нему, как к Чуду. Он, несомненно, особо выделял его из когорты своих талантливых учеников, а ведь среди них был еще один блистательный одессит, будущий великий пианист Эмиль Гилельс.

Нейгауз не только руководил становлением Рихтера-музыканта, но и буквально спасал его — человека не от мира сего — от жестких реалий советского вуза. От экзаменов по истории партии, марксистско-ленинской эстетике, от политзанятий и семинаров по соцреализму, от собраний с осуждением врагов народа и композитров-"формалистов". Об этом — в воспоминаниях самого Рихтера, его соучеников по классу Нейгауза в Московской консерватории, его друзей, в том числе и членов семьи Журавлевых (выдающегося чтеца Дмитрия Николаевича, его дочери Натальи), с которой нас связывает многолетнее доброе знакомство. Отсылаем вас к статьям, монографиям о Рихтере, в том числе к труду нашего земляка Валентина Максименко.

...Но все это случится потом. А пока — год 1940-й, в котором Виктор Вербицкий в последний раз виделся со Светиком в Одессе. Следующая встреча произошла спустя четверть века в Германии, куда судьба занесла семью Вербицких и мать Святослава. Диомид Петрович вскоре умер там от туберкулеза. В первые послевоенные годы, до 60-х, семьи часто виделись. Татьяна вспоминает, как ребенком гостила с матерью в городе Швобишгмюнде, где Анна Павловна жила с о своим вторым мужем — профессором Кондратьевым. Он перешел на фамилию Рихтер и даже выдавал себя за немца. Роль этого человека в семейной драме (она началась еще в Одессе), судя по всему, своеобразна и достаточно велика, но кто осудит сегодня этих людей, — вспомним унесенных ветром....

В середине 60-х Святослава Рихтера, народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, пианиста с мировым именем наконец-то "выпус-

тели" свидеться с матерью в ФРГ — до этого она летала к сыну в США, где он давал концерты. В один из приездов в Германию Рихтер — впервые после 1940 года — встретился с Виктором Вербицким, другом юности. Тانيا и Наталья Сергеевна в то время уже вернулись в Одессу.

— Тогда, — вспоминает Виктор Диомидович, — Светик с горечью говорил о том, что мать его предала. Во первых, сойдясь с Кондратьевым, во-вторых (как полагал Светик) она не сделала ничего, чтобы спасти его отца...

Нам ли трактовать слова Святослава Теофиловича, оценивать справедливость его обвинений? Скажем лишь, что по убеждению современников — свидетелей трагических событий, случившихся в осажденной Одессе в 1941 году, Анна Павловна сделала все, стремясь спасти мужа, оклеветанного провокатором, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. Она тщетно пыталась найти его тело и перезахоронить его...

В 1944-м А.П. Рихтер и С.Д. Кондратьев — вдова "врага народа" и ее ближайший друг, сознавая, что после прихода советских войск будут тут же уничтожены чекистами, уехали в Румынию, а затем — в Германию...

Тогда, при мюнхенской встрече с Виктором Вербицким, Святослав Теофилович дал ему понять, что с Одессой у него связаны тяжкие воспоминания... И не только семейные. Что он никогда не приедет в город, где ощущал со стороны музыкантов горечь непонимания, где был уничтожен его ни в чем не повинный отец.

Увы, слово свое он сдержал...

Лишь редким счастливым из почитателей таланта Рихтера удавалось пробиться на его концерты в Киеве, Львове, Кишиневе и, разумеется, в Москве. Наталье Сергеевне он часто писал в Одессу — поздравлял с праздниками, немного рассказывал о себе. Но никогда не звал ни ее, ни Татьяну в столицу, на свои выступления. Однажды Наташа Журавлева рассказала Рихтеру, что в зале консерватории находится Тانيا — дочь Шамаханской царицы. Он вздрогнул, смешался, сказал, что после концерта хочет с ней повидаться, но намерения своего не исполнил. Сбежал...

Из одесситов наиболее охотно виделся со своей соученицей по классу Нейгауза Люсей Гинзбург. К тому времени — Людмилой Наумовной, доцентом, а затем и профессором, заведующей кафедрой консерватории. Через всю жизнь она пронесла верность Учителю и преклонение перед его великим учеником — Святославом Рихтером... В творческой судьбе Людмилы Наумовны органично сочетались два дара — педагога и исполните-

ля. И она их реализовала в блистательных (увы, редких) концертах и своих учениках. Одному из них — Юрию Дикому (ныне профессору Музыкальной академии) завещала осуществить то, что не успела сделать сама. Вернуть Одессе ее великого сына. Увековечить его память в мемориальной доске, в названии улицы, но, главное, создать Музыкальное приношение — фестиваль, где звучала бы любимая музыка Рихтера, где получила бы достойное толкование и осмысление громада его личности, где играли бы пианисты, продолжающие традиции школы Нейгауза в Одессе, в Украине, в мире.

И почти все это удалось Юрию Дикому в рамках "РИХТЕРФЕСТА" — Праздника Рихтера, ставшего одним из самых ярких событий культурной жизни Одессы, вступившей в XXI век.

На стене отреставрированного пасторского дома, входящего в архитектурный ансамбль кирхи, в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска (скульптор Николай Степанов). С большим успехом прошли концерты и спектакли в Филармонии, Литературном музее, Оперном театре. Состоялась представительная Литературно-художественная встреча, участники которой (в том числе — и авторы этих строк) говорили о многогранной личности великого Рихтера, об одесской составляющей его жизни.

На стене пасторского дома, соседствующего с кирхой, установлена мемориальная доска.

О тех, благодаря кому праздник Рихтера состоялся, рассказывает Юрий Дикий, профессор Одесской музыкальной академии:

— *К сожалению, в рамках этих заметок я не смогу назвать всех, но скажу о тех, кто внес самый значительный вклад. Это, прежде всего, одесские музыканты, давшие несколько благотворительных концертов, весь сбор с которых пошел в фонд фестиваля. Особая благодарность — генеральному консулу России в Одессе Феликсу Довженку, оказавшему нам и материальную, и моральную поддержку. Мы ощутили помощь со стороны главы Центральной райадминистрации Николая Балана, заместителя городского головы Владимира Папиенко, руководителей управлений культуры города — Нелли Лецинской, области — Надежды Бабич, руководителя депутатской комиссии горсовета Лидии Голубенко, председателя Одесской организации Союза театральных деятелей Анатолия Дуды. Нашими добрыми партнерами по "РИХТЕРФЕСТУ" стали Валерий Кузнецов — директор и художественный руководитель Филармонии, Василий Василенко — директор и дирижер Театра оперы и балета. Спасибо коллегам — профессору Вячеславу Дашковскому, семье Повзунов, тележурналисту Наталье Смирновой, родственникам Людмилы Наумовны Гинзбург — семье Литовченко-Недзведских.*

Мы признательны гостям из разных городов Украины, принявшим участие в концертной и научной программах: профессорам Киевской консерватории К.И. Шамаевой, Львовской — М.Т. Крушельницкой; пианистам Ю. Коту (Киев), Й. Ерминю (Львов), одесситам А. Ботвинову, В. Саксонскому, С. Терентьеву; инструменталистам камерных ансамблей Н. Литвиновой, С. Шольцу, Т. Кравченко, А. Анисимову, О. Кузнецовой, всем музыкантам и поклонникам классического искусства. Наша главная задача — сделать "РИХТЕРФЕСТ" традиционным.

Из приветствий, поступивших в адрес организаторов фестиваля, особо выделим два. От посла ФРГ в Украине Дитмара Штюдемана и от директора московского Пушкинского музея, в котором и при жизни Святослава Рихтера, и после его ухода проходили и проходят знаменитые на весь мир "Декабрьские вечера".

Большой друг великого Мастера, Ирина Антонова пишет: "Нам было интересно узнать об открытии "Декабрьских вечеров" в Одессе. И не только потому, что Одесса — родной город Святослава Рихтера, но город большой музыкальной культуры, подаривший миру много великих музыкантов!".

Похоже, столь долгое отсутствие Светика в городе своего детства заканчивается.

Оптимист собачий

"Автор родился дважды", — написали два человека. Они писали о себе — Ильфе и Петрове, Файнзильберге и Катаеве, скептике и оптимисте. Если учесть, что сам Петров имел привычку сбавлять себе возраст, — родившись 13 декабря 1902 года, в автобиографии указывал 1903-й, — то автор родился даже трижды, и наша публикация подоспела тоже вовремя.

Знаменитым автор проснулся в 26 лет и в 31 год. И потом почти все делал вместе — ездил по Европе и США, писал, выступал (говорил Петров, а Ильф так волновался, что выпивал всю воду из графина).

Но, родившись дважды (трижды?), приходится и дважды (трижды) умирать. В молодости мысль о смерти кажется невероятной и нереальной. Поэтому однажды, всласть покричав друг на друга и поругавшись (впервые в жизни), автор решает, что должен погибнуть в авткатастрофе — чтоб вместе. Это была шутка, но как часто шутки сатириков грустны! До старости они не дожили. Часто говорят, что тем, кто остается, тяжелее. "Я был на своих похоронах", — писал Петров. Тот самый, кого соавтор называл "оптимистом собачьим". Тот, кто всегда во всем видел светлую сторону. Он сидел в ЧК, работал в милиции в глухом голодном районе, служил в армии — и всегда оставался оптимистом.

У него любимая жена и сын, всемирная слава, устроенная и обеспеченная (особенно для 1937 года) жизнь. Но... он был на своих похоронах...

После этого очень трудно начать жизнь заново. Но у Петрова это получается. Он вновь начинает писать. Уезжает подальше из Москвы — туда, где они ни разу не были вместе, — на Дальний Восток. Именно туда, если верить шутливой автобиографии, стремилась еврейская душа. А попала славянская. Когда-то Петров жаловался, что потерял и деньги, и соавтора — Ильф увлекся фотографией. Никто и никогда не писал, что Петров увлекался фотографией. Но статьи о Дальнем Востоке в "Огоньке" сопровождает подпись: "Фото автора". И удивительно — по духу фотографии Петрова похожи на записные книжки Ильфа: нарядная ненецкая девушка в лучшем костюме стоит, босая, кокетливо улыбаясь, автомобиль перевернулся, и к нему постепенно подтягиваются любопытные ребята. Жизнь парохода со зловещим названием "Нарком Ежов". Широкие спокойные воды. Жизнь ненецкого стойбища. Лица людей. И очень много детей. Их фото у Петрова просто замечательные. А дома, в Москве — жена Валя и сын Петя. Цель и смысл его жизни. И он, как всегда, много и подробно пишет о себе. Он планирует написать книгу о Дальнем Востоке и даже заключает договор об издании. Это была бы книга Евгения Петрова. Уже без Ильи Ильфа. Книга так и не вышла. Почему — никто не знает. Петров еще напишет сценарий "Антон Иванович сердится" (в соавторстве с Г. Мунблитом), пьесу "Остров мира" — сам. Он будет редактором "Огонька", одним из любимых народом журналистов. Ему будут